

ЗАБОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903 - 1958) – русский поэт, переводчик.

Родился Николай 24 апреля 1903 года поблизости Казани. В начальных классах школы Николай писал журнал, в котором размещал свои стихотворения. Дальнейшее образование в биографии Заболоцкого было получено в реальном училище, в котором он учился с 1913 по 1920 год. Заинтересовавшись многими дисциплинами, поступил в Московский университет на медицинский факультет, но вскоре стал учиться в педагогическом институте в Петрограде.

Затем в биографии Н. Заболоцкого наступает период военной службы, который он провел в Ленинграде. В 1927 году Николай вместе с другими писателями основывает Объединение Реального Искусства (ОБЭРИУ). В том же году впервые в биографии Николая Алексеевича Заболоцкого были опубликованы его стихотворения. А в 1929 году был напечатан сборник – «Столбцы». В дальнейших произведениях поэта раскрываются многие философские и нравственные вопросы, волнующие автора (поэма «Торжество земледелия»).

В 1938 Заболоцкого арестовали, обвинив в антисоветской пропаганде. До 1946 года поэт находился в лагерях, сначала поблизости Комсомольска-на-Амуре, затем в Алтайлаге, после в Караганде. Вернувшись в Москву в 1946 году, снова вошел в Союз писателей, перевел поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Скончался Заболоцкий 14 октября 1958 года в Москве.

Стихотворения (1932 - 1958 гг)

***

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.
Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.
Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке.
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,
Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,
Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодную игрой,--
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.
И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.
И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.
Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.
1947

Осень

Когда минует день и освещение
Природа выбирает не сама,
Осенних роц большие помещения
Стоят на воздухе, как чистые дома.
В них ястребы живут, вороны в них ночуют,
И облака вверху, как призраки, кочуют.
Осенних листьев ссохлось вещество
И землю всю устлало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.
Дух Осени, дай силу мне владеть пером!
В строенье воздуха - присутствие алмаза.
Бык скрылся за углом,
И солнечная масса
Туманным шаром над землей висит,
И край земли, мерцая, кровенит.
Вращая круглым глазом из-под век,
Летит внизу большая птица.
В ее движенье чувствуется человек.
По крайней мере, он таится
В своем зародыше меж двух широких крыл.
Жук домик между листьев приоткрыл.
Архитектура Осени. Расположенье в ней
Воздушного пространства, роци, речки,
Расположение животных и людей,
Когда летят по воздуху колечки
И завитушки листьев, и особый свет,-
Вот то, что выберем среди других примет.
Жук домик между листьев приоткрыл
И рожки выставив, выглядывает,
Жук разных корешков себе нарыл
И в кучку складывает,
Потом трубит в свой маленький рожок
И вновь скрывается, как маленький божок.
Но вот приходит вечер. Все, что было чистым,
Пространственным, светящимся, сухим,-
Все стало серым, неприятным, мглистым,
Неразличимым. Ветер гонит дым,

Вращает воздух, листья валит ворохом
И верх земли взрывает порохом.
И вся природа начинает леденеть.
Лист клена, словно медь,
Звенит, ударившись о маленький сучок.
И мы должны понять, что это есть значок,
Который посылает нам природа,
Вступившая в другое время года.
1932

Венчание плодами

Плоды Мичурина, питомцы садовода,
Вращенные усилиями народа,
Распределенные на кучи и холмы,
Как вы волнуете пытливые умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
Когда, подобные светилам и кометам,
Лежите, образуя вокруг нас
Огромных яблоков живые вавилоны!
Кусочки солнц, включенные в законы
Людских судеб, мы породили вас
Для новой жизни и для высших правил.
Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек,
Напоминали вы уродцев и калек
'Среди природы дикой и могучей.
'Вас червь глодал, и, налетая тучей,
Хлестал вас град по маленьким телам,
И ветер Севера бывал неласков к вам,
М ястреб, роши царь, перед началом ночи
Выклевывал из вас сияющие очи,
М морщил кожицу, и соки леденил.
Преданье говорит, что Змей определил
Быть яблоку сокровищницей знаний.
Во тьме веков и в сумраке преданий
Встает пред нами рай, страна среди облаков,
Страна, среди светил висящая, где звери
С большими лицами блаженных чудаков
Гуляют, учатся и молятся химере.
И посреди сверкающих небес
Стоит, как башня, дремлющее древо.

Оно -- центр сфер, и чудо из чудес,
И тайна тайн. Направо и налево
Огромные суки поддерживают свод
Густых листов. И сумрачно и строго
Сквозь яблоко вещает голос бога,
Что плод познания -- запрещенный плод.
Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Чтобы, самих себя переборов,
Вы не боялись северных ветров,
Чтоб зерна в вас окрепли и созрели,
Чтоб, дивно увеличиваясь в теле,
Не знали вы в развитии преград,
Чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад,--
Скажите мне, какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?
Я заключил бы вас в свою библиотеку,
Я прочитал бы вас и вычислил закон,
Хранимый вами, и со всех сторон
Измерил вас, чтобы понять строенье
Живого солнца и его кипенье.
О маленькие солнышки! О свечки,
Зажженные среди мякоти! Вы -- печки,
Распространяющие дивное тепло.
Отныне все прозрачно и кругло
В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых и счастливых,
В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов.
Когда плоды Мичурин создавал,
Преобразуя древний круг растений,
Он был Адам, который сознавал
Себя отцом грядущих поколений.
Он был Адам и первый садовод,
Природы друг и мудрости оплот,
И прах его, разрушенный годами,
Теперь лежит, увенчанный плодами.
1932

Утренняя песня

Могучий день пришел. Деревья встали прямо,
Вздохнули листья. В деревянных жилах
Вода закапала. Квадратное окошко
Над светлою землею распахнулось,
И все, кто были в башенке, сошлись
Взглянуть на небо, полное сиянья.
И мы стояли тоже у окна.
Была жена в своем весеннем платье.
И мальчик на руках ее сидел,
Весь розовый и голый, и смеялся,
И, полный безмятежной чистоты,
Смотрел на небо, где сияло солнце.
А там, внизу, деревья, звери, птицы,
Большие, сильные, мохнатые, живые,
Сошлись в кружок и на больших гитарах,
На дудочках, на скрипках, на волынках
Вдруг заиграли утреннюю песню,
Встречая нас. И все кругом запело.
И все кругом запело так, что козлик
И тот пошел скакать вокруг амбара.
И понял я в то золотое утро,
Что счастье человечества - бессмертно.
1932

Лодейников

1

В краю чудес, в краю живых растений,
Несовершенной мудростью дыша,
Зачем ты просишь новых впечатлений
И новых бурь, пытливая душа?
Не обольщайся призраком покоя:
Бывает жизнь обманчива на вид.
Настанет час, и утро роковое
Твои мечты, сверкая, ослепит.

2

Лодейников, закрыв лицо руками,
Лежал в саду. Уж вечер наступал.
Внизу, постукивая тонкими звонками,
Шел скот домой и тихо лопотал
Невнятные свои воспоминанья.
Травы холодное дыханье
Струилось вдоль дороги. Жук летел.
Лодейников открыл лицо и поглядел
В траву. Трава пред ним предстала
Стеной сосудов. И любой сосуд
Светился жилками и плотью. Трепетала
Вся эта плоть и вверх росла, и гуд
Шел по земле. Прищелкивая по суставам,
Пришлепывая, странною шевелясь,
Огромный лес травы вытягивался вправо,
Туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой,
Одни, вытягиваясь жирною трубой
И распустив листы, других собою мяли,
И напряженные их сочлененья выделяли
Густую слизь. Другие лезли в щель
Между чужих листов. А третьи, как в постель,
Ложились на соседа и тянули
Его назад, чтоб выбился из сил.
И в этот миг жук в дудку задудил.
Лодейников очнулся. Над селеньем
Всходил туманный рог луны,
И постепенно превращалось в пенье
Шуршанье трав и тишины.
Природа пела. Лес, подняв лицо,
Пел вместе с лугом. Речка чистым телом
Звенела вся, как звонкое кольцо.
В тумане белом
Трясли кузнечики сухими лапками,
Жуки стояли черными охапками,
Их голоса казались сучками.
Блестя прозрачными очками,
По лугу шел красавец Соколов,
Играя на задумчивой гитаре.
Цветы его касались сапогов
И наклонялись. Маленькие твари
С размаху шлепались ему на грудь
И, бешено подпрыгивая, падали,
Но Соколов ступал по падали
И равномерно продолжал свой путь.

Лодейников заплакал. Светляки
Вокруг него зажгли свои лампадки,
Но мысль его, увы, играла в прятки
Сама с собой, рассудку вопреки.

З

В своей избушке, сидя за столом,
Он размышлял, исполненный печали.
Уже сгустились сумерки. Кругом
Ночные птицы жалобно кричали.
Из окон хаты шел дрожащий свет,
И в полосе неверного сиянья
Стояли яблони, как будто изваянья,
Возникшие из мрака древних лет.
Дрожащий свет из окон проливался
И падал так, что каждый лепесток
Среди туманных листьев выделялся
Прозрачной чашечкой, открытой на восток
И все чудесное и милое растенье
Напоминало каждому из нас
Природы совершенное творенье,
Для совершенных вытканное глаз.
Лодейников склонился над листьями,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму,
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вдыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давальня
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.
А свет луны летел из-за карниза,
И, нарумянив серое лицо,
Наследница хозяйская Лариса
В суконной шляпке вышла на крыльцо.

Лодейников ей был неинтересен:
Хотелось ей веселья, счастья, песен, --
Он был угрюм и скучен. За рекой
Плясал девиц многообразный рой.
Там Соколов ходил с своей гитарой.
К нему, к нему! Он песни распевал,
Он издевался над любую парой
И, словно бог, красоток целовал.

4

Суровой осени печален поздний вид.
Уныло спят безмолвные растенья.
Над крышами пустынного селенья
Заря небес болезненно горит.
Закрылись двери маленьких избушек,
Сад опустел, безжизненны поля,
Вокруг деревьев мерзлая земля
Покрыта ворохом блестящих завитушек,
И небо хмурится, и мчится ветер к нам,
Рубаху дерева сгибающая пополам.
О, слушай, слушай хлопанье рубах!
Ведь в каждом дереве сидит могучий Бах
И в каждом камне Ганнибал таится...
И вот Лодейникову по ночам не спится:
В оркестрах бурь он слышит пред собой
Напев лесов, тоскующий и страстный...
На станции однажды в день ненастный
Простился он с Ларисой молодой.
Как изменилась бедная Лариса!
Все, чем прекрасна молодость была,
Она по воле странного каприза
Случайному знакомству отдала.
Еще в душе холодной Соколова
Не высох след ее последних слез, --
Осенний вихрь ворвался в мир бывшего,
Разбил его, развеял и унес.
Ах, Лара, Лара, глупенькая Лара,
Кто мог тебе, краса моя, помочь?
Сквозь жизнь твою прошла его гитара
И этот голос-, медленный, как ночь.
Дубы в ту ночь так сладко шелестели,
Цвела сирень, черемуха цвела,
И так тебе певцы ночные пели,
Как будто впрямь невестой ты была.
Как будто впрямь серебряной фатою
Был этот сад сверкающий покрыт...

И только выпь кричала за рекою
Вплоть до зари и плакала навзрыд.
Из глубины безмолвного вагона,
Весь сгорбившись, как немощный старик
В последний раз печально и влюбленно
Лодейников взглянул на милый лик.
И поезд тронулся. Но голоса растений
Неслись вослед, качаясь и дрожа,
И сквозь тяжелый мрак миротворенья
Рвалась вперед бессмертная душа
Растительного мира. Час за часом
Бежало время. И среди полей
Огромный город, возникая разом,
Зажегся вдруг миллионами огней.
Разрозненного мира элементы
Теперь слились в один согласный хор,
Как будто, пробуя лесные инструменты,
Вступал в природу новый дирижер.
Органам скал давал он вид забоев,
Оркестрам рек -- железный бег турбин
И, хищника отвадив от разбоев,
Торжествовал, как мудрый исполин.
И в голоса нестройные природы
Уже вплетался первый стройный звук,
Как будто вдруг почувствовали воды,
Что не смертелен тяжкий их недуг.
Как будто вдруг почувствовали травы,
Что есть на свете солнце вечных дней,
Что не они во всей вселенной правы,
Но только он -- великий чародей.
Суровой осени печален поздний вид,
Но посреди ночного небосвода
Она горит, твоя звезда, природа,
И вместе с ней душа моя горит.
1932-1947

Прощание

Памяти С. М. Кирова

Прощание! Скорбное слово!
Безгласное темное тело.
С высот Ленинграда сурово

Холодное небо глядело.
И молча, без грома и пенья,
Все три боевых поколенья
В тот день бесконечной толпою
Прошли, расставаясь с тобою.
В холодных садах Ленинграда,
Забытая в траурном марше,
Огромных дубов колоннада
Стояла, как будто на страже.
Казалось, высоко над нами
Природа сомкнулась рядами
И тихо рыдала и пела,
Узнав неподвижное тело.
Но видел я дальние дали
И слышал с друзьями моими,
Как дети детей повторяли
Его незабвенное имя.
И мир исполински прекрасный
Сиял над могилой безгласной,
И был он надежен и крепок,
Как сердца погибшего слепок.
1934

Начало зимы

Зимы холодное и ясное начало
Сегодня в дверь мою три раза простучало.
Я вышел в поле. Острый, как металл,
Мне зимний воздух сердце спеленал,
Но я вздохнул и, разгибая спину,
Легко сбегал с пригорка на равнину,
Сбегал и вздрогнул: речки страшный лик
Вдруг глянул на меня и в сердце мне проник.
Заковывая холодом природу,
Зима идет и руки тянет в воду.
Река дрожит и, чуя смертный час,
Уже открыть не может томных глаз,
И все ее беспомощное тело
Вдруг страшно вытянулось и оцепенело
И, еле двигая свинцовой волной,
Теперь лежит и бьется головой.
Я наблюдал, как речка умирала,

Не день, не два, но только в этот миг,
Когда она от боли застонала,
В ее сознание, кажется, проник.
В печальный час, когда исчезла сила,
Когда вокруг не стало никого,
Природа в речке нам изобразила
Скользкий мир сознания своего.
И уходящий трепет размышленья
Я, кажется, прочел в глухом ее томленьи,
И в выраженьи волн предсмертные черты
Вдруг уловил. И если знаешь ты,
Как смотрят люди в день своей кончины,
Ты взгляд реки поймешь. Уже до середины
Смертельно почерневшая вода
Чешуйками подергивалась льда.
И я стоял у каменной глазницы,
Ловил на ней последний отблеск дня.
Огромные внимательные птицы
Смотрели с елки прямо на меня.
И я ушел. И ночь уже спустилась.
Крутился ветер, падая в трубу.
И речка, вероятно, еле билась,
Затвердевая в каменном гробу.
1935

Весна в лесу

Каждый день на косороге я
Пропадаю, милый друг.
Вешних дней лаборатория
Расположена вокруг.
В каждом маленьком растеньице,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.
Эти колбочки исследовав,
Словно химик или врач,
В длинных перьях фиолетовых
По дороге ходит грач.
Он штудирует внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных

Собирает детям впрок.
А в глуши лесов таинственных,
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.
Словно идолище древнее,
Обезумев от греха,
Он рокочет за деревнею
И колышет потроха.
А на кочках под осинами,
Солнца праздную восход,
С причитаньями старинными
Водят зайцы хоровод.
Лапки к лапкам прижимаючи,
Вроде маленьких ребят,
Про свои обиды заячьи
Моноotonно говорят.
И над песнями, над плясками
В эту пору каждый миг,
Населяя землю сказками,
Пламенеет солнца лик.
И, наверно, наклоняется
В наши древние леса,
И невольно улыбается
На лесные чудеса.
1935

Засуха

О солнце, раскаленное чрез меру,
Угасни, смилуйся над бедною землей!
Мир призраков колеблет атмосферу,
Дрожит весь воздух ярко-золотой.
Над желтыми лохмотьями растений
Плывут прозрачные фигуры испарений.
Как страшен ты, костлявый мир цветов,
Сожженных венчиков, расколотых листов,
Обезображенных, обугленных головок,
Где бродит стадо божиих коровок!
В смертельном обмороке бедная река
Чуть шевелит засохшими устами.
Украшив дно большими бороздами,

Ползут улитки, высунув рога.
Подводные кибиточки, повозки,
Коробочки из перла и известки,
Остановитесь! В этот страшный день
Ничто не движется, пока не пала тень.
Лишь вечером, как только за дубравы
Опустится багровый солнца круг,
Заплакав жалобно, придут в сознание травы,
Вздохнут дубы, подняв остатки рук.
Но жизнь моя печальней во сто крат,
Когда болеет разум одинокий
И вымыслы, как чудища, сидят,
Поднявши морды над гнилой осокой,
И в обмороке смутная душа,
И, как улитки, движутся сомненья,
И на песках, колеблясь и дрожа,
Встают, как уголь, черные растенья.
И чтобы снова исцелился разум,
И дождь и вихрь пускай ударят разом!
Ловите молнию в большие фонари,
Руками черпайте кристальный свет зари,
И радуга, упавшая на плечи,
Пускай дома украсит человечьи.
Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь
Природы очистительная сила!
Ей все равно с дороги не свернуть,
Которую сознание начертило.
Учительница, девственница, мать,
Ты не богиня, да и мы не боги,
Но все-таки как сладко понимать
Твои бессвязные и смутные уроки!
1936

Ночной сад

О сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют виолончелей!
О сад ночной, печальный караван
Немых дубов и неподвижных елей!
Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб, и тополь -- потрясеньем.
Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел,

Переплетались в воздухе осеннем.
Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи.
И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И толпы лип вздымали кисти рук,
Скрывая птиц под купами растений.
О сад ночной, о бедный сад ночной,
О существа, заснувшие надолго!
О вспыхнувший над самой головой
Мгновенный пламень звездного осколка!
1936

Все, что было в душе, все как будто опять потерялось,
И лежал я в траве, и печалью и скукой томим.
И прекрасное тело цветка надо мной поднималось,
И кузнечик, как маленький сторож, стоял перед ним.
И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И черна и мертва, протянулась от книги к природе
То ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.
И цветок с удивленьем смотрел на свое отраженье
И как будто пытался чужую премудрость понять.
Трепетало в листах непривычное мысли движенье,
То усилие воли, которое не передать.
И кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно проснулась.
И запела печальная тварь славословье уму,
И подобье цветка в старой книги моей шевельнулось
Так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему.
1936

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.
И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я - и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.
И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,

И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.
И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.
И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!
1936

Север

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь ее сгустится,
И птица падает, замерзшая, стремглав;
Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;
Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,
Бегут, урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаз;
Где снег, сверкая, падает на нас
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомним, то кружок,
То вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;

В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели,--
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.
А дальше к Северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где, весь оледенелый, самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовья навещает,--
Там тень "Челюскина" среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.
Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты -- пар воображенья, ты -- фантом,
Но подвиг твой -- свидетельство о том,
Что здесь, на Севере, в середине льдов тяжелых,
Разрезав моря каменную грудь,
Флотилии огромных ледоколов
Необычайный вырубили путь.
Как бронтозавры каменного века,
Они прошли, созданья человека,
Плавучие вместилища чудес,
Бия винтами, льдам наперерез.
И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.
1936

Седов

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.
Лохматые, с ремнями на груди,
Свой легкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затертый в ледяной могиле,
Уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиною!
В страну безмолвия, где полюс-великан,

Увенчанный тиарой ледяною,
С меридианом свел меридиан;
Где полукруг полярного сиянья
Копьем алмазным небо пересек;
Где вековое мертвое молчанье
Нарушить мог один лишь человек,--
Туда, туда! В страну туманных бредней.
Где обрывается последней жизни нить!
И сердца стон и жизни миг последний --
Все, все отдать, но полюс победить!
Он умирал посереде дороги,
Болезнями и голодом томим.
В цинготных пятнах ледяные ноги,
Как бревна, мертвые лежали перед ним.
Но странно! В этом полумертвом теле
Еще жила великая душа:
Превозмогая боль, едва дыша,
К лицу приблизив компас еле-еле,
Он проверял по стрелке свой маршрут
И гнал вперед свой поезд погребальный...
О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!
И есть на дальнем Севере могила...
Вдали от мира высится она.
Один лишь ветер воет там уныло,
И снега ровная блистает пелена.
Два верных друга, чуть живые оба,
Среди камней героя погребли,
И не было ему простого даже гроба,
Щепотки не было родной ему земли.
И не было ему ни почестей военных,
Ни траурных салютов, ни венков,
Лишь два матроса, стоя на коленях,
Как дети, плакали одни среди снегов.
Но люди мужества, друзья, не умирают!
Теперь, когда над нашей головой
Стальные вихри воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой,
Когда, достигнув снежного зенита,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат.
И обозначены углом теодолита
Восход луны и солнечный закат,--
Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!
Вставай, Седов, отважный сын земли!

Твой старый компас мы сменили новым.
Но твой поход на Севере суровом
Забыть в своих походах не могли.
И жить бы нам на свете без предела,
Вгрызаясь в льды, меняя русла рек.--
Отчизна воспитала нас и в тело
Живую душу вдунула навек.
И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умирал Седов.
1937

Голубиная книга

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит,
Уж бедный мир, забыв свои страданья,
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик, маленький работник мирозданья,
Все трудится, поет, не требуя вниманья,--
Один, на непонятном языке...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревья в сумерках. И возле темных хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.
И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.

Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.
А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка -- мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...
Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.
1937

Метаморфозы

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной,-
Не я один. Нас много. Я - живой
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко
Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый,
Мой бедный прах, когда-то так любимый.
А я все жив! Все чище и полней

Объемлет дух скопление чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре -
Орган поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.
Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.
Вот так, с трудом пытаюсь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!
1937

Лесное озеро

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.
Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищными тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.
В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.
Но странно, как тихо и важно кругом!
Откуда в трущобах такое величье?
Зачем не беснуется полчище птичье,
Но спит, убаюкано сладостным сном?
Один лишь кулик на судьбу негодует
И в дудку растенья бессмысленно дует.
И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
И сосны, как свечи, стоят в вышине,

Смыкаясь рядами от края до края.
Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной,
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,
Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремленное к небу ночному.
И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь елки рогатые лица,
К источнику правды, к купели своей
Склонились воды животворной напиться.
1938

Соловей

Уже умолкала лесная капелла.
Едва открывал свое горлышко чижик.
В коронке листов соловьиное тело
Одно, не смолкая, над миром звенело.
Чем больше я гнал вас, коварные страсти,
Тем меньше я мог насмеяться над вами.
В твоей ли, пичужка ничтожная, власти
Безмолвствовать в этом сияющем храме?
Косые лучи, ударяя в поверхность
Прохладных листов, улетали в пространство.
Чем больше тебя я испытывал, верность,
Тем меньше я верил в твое постоянство.
А ты, соловей, пригвожденный к искусству,
В свою Клеопатру влюбленный Антоний,
Как мог ты довериться, бешеный, чувству,
Как мог ты увлечься любовной погоней?
Зачем, покидая вечерние рощи,
Ты сердце мое разрываешь на части?
Я болен тобою, а было бы проще
Расстаться с тобою, уйти от напасти.
Уж так, видно, мир этот создан, чтоб звери,
Родители первых пустынных симфоний,
Твои восклицанья услышав в пещере,
Мычали и выли: "Антоний! Антоний!"
1939

Слепой

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый Богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих на миг.
А вокруг старика
Молодые шумят поколения.
Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черемух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...
Что ж ты плачешь, слепец?
Что томишься напрасно весною?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.
Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не откроешь, увы, никогда.
Да и вся твоя жизнь --
Как большая привычная рана.
Не любимец ты солнцу,
И природе не родственник ты.
Научился ты жить
В глубине векового тумана,
Научился смотреть
В вековое лицо темноты...
И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды,
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моем.

О, с каким я трудом
Наблюдаю земные предметы,
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!
Эти песни мои --
Сколько раз они в мире пропеты!
Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?
И куда ты влечешь меня,
Темная грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиняться я власти твоей, --
Ты сама меня выбрала,
И сама ты мне душу пронзила,
Ты сама указала мне
На великое чудо земли...
Пой же, старый слепец!
Ночь подходит. Ночные светила,
Повторяя тебя,
Равнодушно сияют вдали.
1946

Утро

Петух запеваает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы -- клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубает своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.

Колелбется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колелбется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запекает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
1946

Гроза

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится.
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.
Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появление
Первых дальних громов - первых слов на родном языке.
Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.
А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.
1946

Бетховен

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча,
Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.
Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.
И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.
В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.
И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!
1946

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.
И свистит и бормочет весна.
По колена затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.
И такой на полях кавардак,
И такая ручьев окоlesiца,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!
Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты -- наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.
Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.
Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:

"Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется".
А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.
Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.
Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чувствуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.
1946

Читайте, деревья, стихи Гезиода,
Дивись Оссиановым гимнам, рябина!
Не меч ты поднимешь сегодня, природа,
Но школьный звонок над щитом Кухулина.
Еще заливаются ветры, как барды,
Еще не смолкают березы Морвена,
Но зайцы и птицы садятся за парты
И к зверю девятая сходит Камена.
Березы, вы школьницы! Полно калякать,
Довольно скакать, задирая подолы!
Вы слышите, как через бурю и слякоть
Ревут водопады, спрягая глаголы?
Вы слышите, как перед зеркалом речек,
Под листьями ивы, под лапами ели,
Как маленький Гамлет, рыдает кузнечик,
Не в силах от вашей уйти канители?
Опять ты, природа, меня обманула,
Опять провела меня за нос, как сводня!
Во имя чего среди ливня и гула
Опять, как безумный, брожу я сегодня?
В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье!
Вот так я тебе и поверил! Покуда
Не вытряхнут душу из этого тела,
Едва ли иного достоин я чуда,
Чем то, от которого сердце запело.

Мы, люди, -- хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги,
Затем и поет Оссианова лира
Над чащею леса, у края берлоги.
От моря до моря, от края до края
Мы учим и пестуем младшего брата,
И бабочки, в солнечном свете играя,
Садятся на лысое темя Сократа.
1946

Еще заря не встала над селом,
Еще лежат в саду десятки теней,
Еще блистает лунным серебром
Замерзший мир деревьев и растений.
Какая ранняя и звонкая зима!
Еще вчера был день прозрачно-синий,
Но за ночь ветер вдруг сошел с ума,
И выпал снег, и лег на листья иней.
И я смотрю, задумавшись, в окно.
Над крышами соседнего квартала,
Прозрачным пламенем своим окружено,
Восходит солнце медленно и вяло.
Седых берез волшебные ряды
Метут снега безжизненной куделью.
В кристалл холодный убраны сады,
Внезапно занесенные метелью.
Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже блистает перламутром,
И все яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.
Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.
1946

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей,--
Спой мне, иволга, песню пустынную,

Песню жизни моей.
Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечесьё жильё,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.
Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?
Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.
За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоеет.
И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,--
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

Воздушное путешествие

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.
Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.
Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнезвился между нив.
Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.
Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блистательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.
И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.
И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.
Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.
И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.
1947

Храмгэс

Плоскогорие Цалки, твою высоту
Стерегут, обступив, Триалетские скалы.
Ястреб в небе парит, и кричит на лету,
И приветствует яростным воплем обвалы.
Здесь в бассейнах священная плещет форель,
Здесь стада из разбитого пьют саркофага,
Здесь с ума археологи сходят досель,
Открывая гробницы на склоне оврага.
Здесь История пела, как дева, вчера,
Но сегодня от грохота дрогнули горы,
Титанических взрывов взвились веера,
И взметнулись ракет голубых метеоры.
Там, где волны в ущелье пробили проход,
Многотонный бетон пересек горловину,
И река, закипев у подземных ворот,
Покатилась, бушуя, обратно в долину.
Словно пойманный зверь, зарычала она,
Вырывая орешник, вздымая каменья,
Заливая печальных гробниц письма,
Где давно позабытые спят поколенья.
Опустись, моя муза, в глубокий тоннель!
Ты -- подружка гидравлики, сверстница тока.
Пред тобой в глубине иверийских земель
Зажигается новое солнце Востока.
Ты послушай, как свищет стальной соловей,
Как трепещет в бетоне железный вибратор,
Опусти свои очи в зияющий кратер,
Что уходит в скалу под ногою твоей.
Здесь грузинские юноши, дети страны,
Словно зодчие мира, под звуки пандури
Заключили в трубу завывание бури
И в бетон заковали кипенье волны.
Нас подхватит волна, мы помчимся с тобой,
Мы по трубам низринемся в бездну ущелья,
Где раструбы турбин в хороводе веселья
Заливаются песней своей громовой.
Из пространств генератора мы полетим
Высоко над землей по струне передачи,
Мы забудем с тобою про все неудачи,
Наслаждаясь мгновенным полетом своим.
Над Курюю огромные звезды горят,
Словно воины, встали вокруг кипарисы,
И залитые светом кварталы Тбилиси

О грядущих веках до утра говорят.
1947

Сагурамо

Я твой родничок, Сагурамо,
Наверно, вовек не забуду.
Здесь каменных гор панорама
Вставала, подобная чуду.
Здесь гор изумрудная груда
В одежде из груш и кизила,
Как некое древнее чудо,
Навек мое сердце пленила.
Спускаясь с высот Зедазени,
С развалин старинного храма,
Я видел, как тропы оленье
Бежали к тебе, Сагурамо.
Здесь птицы, как малые дети,
Смотрели в глаза человечьи
И пели мне песню о лете
На птичьем блаженном наречье.
И в нише из древнего камня,
Где ласточек плакала стая,
Звучала струя родника мне,
Дугою в бассейн упадая.
И днем, над работой склоняясь,
И ночью, проснувшись в постели,
Я слышал, как, в окна врываясь,
Холодные струи звенели.
И мир превращался в огромный
Певучий источник величья,
И, песней его изумленный,
Хотел его тайну постичь я.
И спутники Гурамишвили,
Вставая из бездны столетий,
К постели моей подходили,
Рыдая, как малые дети.
И туч поднимались волокна,
И дождь барабанил по крыше,
и с шумом в открытые окна
Врывались летучие мыши.
И сердце Ильи Чавчавадзе

Гремело так громко и близко,
Что молнией стала казаться
Вершина его обелиска.
Я вздрагивал, я просыпался,
Я с треском захлопывал ставни,
И снова мне в уши врывался
Источник, звенящий на камне.
И каменный храм Зедазени
Пылал над блистательным Мцхетом,
И небо тропинки оленье
Своим заливало рассветом.
1947

Ночь в Пасанаури

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.
С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не желал нимало
Ни соловьев, ни песен, ни красот.
Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.
И я лежал, схватившись за камень,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в исступленье
И бормотали, прыгая у ног.
И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.
И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.
И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,

Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве -- первый поцелуй.
1947

Я трогал листья эвкалипта
И твердые перья агавы,
Мне пели вечернюю песню
Аджарии сладкие травы.
Магнолия в белом уборе
Склоняла туманное тело,
И синее-синее море
У берега бешено пело.
Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,
Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением луга,
Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга.
И вздрогнуло сердце от боли,
И светлые слезы печали
Упали на чаши растений,
Где белые птицы кричали.
А в небе, седые от пыли,
Стояли камфарные лавры
И в бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.
1947

Урал

Отрывок

Зима. Огромная, просторная зима.
Деревьев громкий треск звучит, как канонада.
Глубокий мрак ночей выводит терема
Сверкающих снегов над выступами сада.
В одежде кристаллической своей
Стоят деревья. Темные вороны,
Сшибая снег с опущенных ветвей,
Шарахаются, немощны и сонны.

В оттенках грифеля клубится ворох туч,
И звезды, пробиваясь посредине,
Свой синеватый движущийся луч
Едва влачат по ледяной пустыне.
Но лишь заря прорежет небосклон
И встанет солнце, как, подобно чуду,
Свет тысячи огней возникнет отовсюду,
Частицами снегов в пространство отражен.
И девственный пожар январского огня
Вдруг упадет на школьный палисадник,
И хоры петухов сведут с ума курятник,
И зимний день всплывет, ликуя и звеня.
В такое утро русский человек,
Какое б с ним ни приключилось горе,
Не может тосковать. Когда на косогоре
Вдруг закрипел под валенками снег
И большеглазых розовых детей
Опять мелькнули радостные лица, --
Лариса поняла: довольно ей томиться,
Довольно мучиться. Пора очнуться ей!
В тот день она рассказывала детям
О нашей родине. И в глубину времен,
К прошедшим навсегда тысячелетьям
Был взор ее духовный устремлен.
И дети видели, как в глубине веков,
Образовавшись в огненном металле,
Платформы двух земных материков
Средь раскаленных лав затвердевали.
В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое тело,
И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вдруг, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились в интервалы
И трещины пород; подземные пары,
Как змеи, извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блистательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.
Урал, седой Урал! Когда в былые годы
Шумел строительства первоначальный вал,

Кто, покоритель скал и властелин природы,
Короной черных дозн тебя короновал?
Когда магнитогорские мартены
Впервые выбросили свой стальной поток,
Кто отворил твои безжизненные стены,
Кто за собой сердца людей увлек
В кипучий мир бессмертных пятилеток?
Когда бы из могил восстал наш бедный предок
И посмотрел вокруг, чтоб целая страна
Вдруг сделалась ему со всех сторон видна, --
Как изумился б он! Из черных недр Урала,
Где царствуют топаз и турмалин,
Пред ним бы жизнь невиданная встала,
Наполненная пением машин.
Он увидел бы мощные громады
Магнитных скал, сползающих с высот,
Он увидел бы полный сил народ,
Трудящийся в громах подземной канонады,
И землю он свою познал бы в первый раз...
Не отрывая от Ларисы глаз,
Весь класс молчал, как бы замороженный.
Лариса чувствовала: огонек, зажженный
Ее словами, будет вечно жить
В сердцах детей. И совершилось чудо:
Воспоминаний горестная груда
Вдруг перестала сердце ей томить.
Что сердце? Сердце -- воск. Когда ему блеснет
Огонь сочувственный, огонь родного края,
Растопится оно и, медленно сгорая,
Навстречу жизни радостно плывет.
1947

Город в степи

1

Степным ветрам не писаны законы.
Пирамидальный склон воспламеня,
Всю ночь над нами тлеют терриконы -
Живые горы дыма и огня.
Куда ни глянь, от края и до края
На пьедесталах каменных пород
Стальные краны, в воздухе ныряя,

Свой медленный свершают оборот.
И вьется дым в искусственном ущелье,
И за составом движется состав,
И свищет ветер в бешеном веселье,
Над Казахстаном крылья распластав.

2

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто среди степей разбил испепеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполох восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликования,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари.

3

Гомер степей на пегой лошаденке
Несется вдаль, стремительно красив.

Вослед ему летят сизоворонки,
Головки на закат поворотив.
И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.
Закинув темя за предел земной,
Он медленно ворочает глазами,
И тамариск, обрызганный слезами,
Шумит пред ним серебряной волной.

4

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремяна.
И стрепет, вылетев из-под копыт,
Шарахается в поле, как лазутчик,
И солнце жжет верхи сухих колючек,
И на сто верст простор вокруг открыт.
И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,
И вокруг него ликуют птичьи хоры,
Звенит домбра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав.
1947

В тайге

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц -- глазам невтерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На бриллиантовый замок похож.
Посреди кристаллически-белых громад
На седом телеграфном столбе,
Оседлав изоляторы, совы сидят,

И в лицо они смотрят тебе.
Запахнув на груди исполинский тулуп,
Ты стоишь над землянкой звена.
Крепко спит в тишине молодой лесоруб,
Лишь тебе одному не до сна.
Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь, неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простер
Замурованный льдами Амур.
И далеко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке,
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоём городке.
Это он подмигнул в ледяную тайгу,
Это он побратался с тобой,
Чтобы ты не заснул на своём берегу,
Не замерз, околдован тайгой.
Так растёт человеческой дружбы зерно,
Так в январской морозной пыли
Два могучие сердца, сливаясь в одно,
Пламенеют над краем земли.
1947

Творцы дорог

1

Рожок поет протяжно и уныло,--
Давно знакомый утренний сигнал!
Покуда медлит сонное светило,
В свои права вступает аммонал.
Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры,
И вдруг -- удар, и вздрогнула береза,
И взвыло чрево каменной горы.
И выдохнув короткий белый пламень
Под напряженьем многих атмосфер,
Завыл, запел, взлетел под небо камень,
И заволокся дымом весь карьер.
И равномерным грохотом обвала
До глубины своей потрясена,
Из тьмы лесов трущоба простонала,
И, простонав, замолкнула она.

Поет рожок над дальнею горою,
Восходит солнце, заливая лес,
И мы бежим нестройною толпою,
Подняв ломы, громам наперерез.
Так под напором сказочных гигантов,
Работающих тысячами рук,
Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.
При свете солнца разлетелись страхи,
Исчезли толпы духов и теней.
И вот лежит, сверкающий во прахе,
Подземный мир блистательных камней.
И все черней становится и краше
Их влажный и неправильный излом.
О, эти расколовшиеся чаши,
Обломки звезд с оторванным крылом!
Кубы и плиты, стрелы и квадраты,
Мгновенно отвердевшие грома,--
Они лежат передо мной, разъяты
Одним усилием светлого ума.
Еще прохлада дышит вековая
Над грудью их, еще курится пыль,
Но экскаватор, черный ковш вздымая,
Уж сыплет их, урча, в автомобиль.

2

Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днем все жарче и быстрее
Навстречу льдам Берингова пролива
Неслась струя тропических морей.
Под непрерывный грохот аммонала,
Весенними лучами озарен,
Уже летел, раскинув опахала,
Огромный, как ракета, махаон.
Сиятельный и пышный самозванец,
Он, как светило, вздрагивал и плыл,
И вслед ему неслась толпа созданий,
Подвесив тельца меж лазурных крыл.
Кузнечики, согретые лучами,
Отщелкивали в воздухе часы,
Тяжелый жук, летающий скачками,
Влачил, как шлейф, гигантские усы.
И сотни тварей, на своей свирели
Однообразный поднимая вой,
Ползли, толклись, метались, пили, ели,
Вились, как столб, над самой головой.

И в куполе звенящих насекомых,
Среди болот и неподвижных мхов,
С вершины сопки, зноем опаленных,
Вздыхался мир невиданных цветов.
Соперничая с блеском небосвода,
Здесь, посредине хлябей и камней,
Казалось, в небо бросила природа
Всю ярость красок, собранную в ней.
Над суматохой лиственных сплетений,
Над ураганом зелени и трав
Здесь расцвела сама душа растений,
Огромные цветы образовав.
Когда горят над сопками Стожары
И пенье сфер проносится вдали,
Колокола и сонные гитары
Им нежно откликаются с земли.
Есть хор цветов, не уловимый ухом,
Концерт тюльпанов и квартет лилей.
Быть может, только бабочкам и мухам
Он слышен ночью посреди полей.
В такую ночь, соперница лазурей,
Вся сопка дышит, звуками полна,
И тварь земная музыкальной бурей
До глубины души потрясена.
И, засыпая в первобытных норах,
Твердит она уже который век
Созвучье тех мелодий, о которых
Так редко вспоминает человек.

3

Рожок гудел, и сопка клокотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.
Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед.
Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедром светят метеоры,
Где молится березам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.

Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.
1947

Завещание

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда миллионы новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы,--
Пускай мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес.
Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листьях я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.
Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небо пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил -- томление пустое.
Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.
Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели,--
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.
О, я не даром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

1947

Жена

Откинув со лба шевелюру,
Он хмуро сидит у окна.
В зеленую рюмку микстуру
Ему наливает жена.
Как робко, как пристально-нежно
Болезненный светится взгляд,
Как эти кудряшки потешно
На тощей головке висят!
С утра он все пишет да пишет,
В неведомый труд погружен.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здоровствовал он.
А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнет,- и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.
Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай: ни Гете, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.
О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?
Но коль ты хлопчешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

1948

Журавли

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,

Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.
Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.
Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.
Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.
Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданью горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.
Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:
Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе -
Все, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.
А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.
1948

Прохожий

Исполнен душевной тревоги,
В треухе, с солдатским мешком,
По шпалам железной дороги
Шагает он ночью пешком.
Уж поздно. На станцию Нара
Ушел предпоследний состав.
Луна из-за края амбара
Сияет, над кровлями встав.

Свернув в направлении к мосту,
Он входит в весеннюю глушь,
Где сосны, склоняясь к погосту,
Стоят, словно скопища душ.
Тут летчик у края аллеи
Покоится в ворохе лент,
И мертвый пропеллер, белея,
Венчает его монумент.
И в темном чертоге вселенной,
Над сонною этой листвой
Встает тот нежданно мгновенный,
Пронзающий душу покой,
Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
Живая людская душа.
И в легком шуршании почек,
И в медленном шуме ветвей
Невидимый юноша-летчик
О чем-то беседует с ней.
А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.
1948

Читая стихи

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти непохожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.
И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?
И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?
Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она

Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.
Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.
1948

Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющейся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, -
В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звезды в красоте нетленной.
И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.
1948

Оттепель

Оттепель после метели.
Только утихла пурга,
Разом сугробы осели
И потемнели снега.
В клочьях разорванной тучи
Блещет осколок луны.
Сосен тяжелые сучья
Мокрого снега полны.
Падают, плаваются, льются
Льдинки, втыкаясь в сугроб.
Лужи, как тонкие блюда,
Светятся около троп.
Пусть молчаливой дремотой
Белые дышат поля,
Неизмеримой работой
Занята снова земля.
Скоро проснутся деревья,

Скоро, построившись в ряд,
Птиц перелетных кочевья
В трубы весны затрубят.
1948

Приближался апрель к середине,
Бил ручей, упадая с откоса,
День и ночь грохотал на плотине
Деревянный лоток водосброса.
Здесь, под сенью дряхлеющих ветел,
Из которых любая -- калека,
Я однажды, гуляя, заметил
Незнакомое мне человека.
Он стоял и держал пред собою
Непчатого хлеба ковригу
И свободной от груза рукою
Перелистывал старую книгу.
Лоб его бороздила забота,
И здоровьем не выдалось тело,
Но упорная мысли работа
Глубиной его сердца владела.
Пробежав за страницей страницу,
Он вздымал удивленное око,
Наблюдая ручьев вереницу,
Устремленную в пену потока.
В этот миг перед ним открывалось
То, что было незримо доселе,
И душа его в мир поднималась,
Как дитя из своей колыбели.
А грачи так безумно кричали,
И так яростно ветлы шумели,
Что казалось, остаток печали
Отнимать у него не хотели.
1948

Поздняя весна

Осветив черепицу на крыше
И согрев древесину сосны,
Поднимается выше и выше
Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме
Не покрытых листьями ветвей,
Весь пронизан лучами косыми,
Бьет крылом и поет соловей.
Как естественно здесь повторены;
Л а конически-медленных фраз,
Точно малое это творенье
Их поет специально для нас!
О любимые сердцем обманы,
Заблужденья младенческих лет!
В день, когда зеленеют поляны,
Мне от вас избавления нет.
Я, как древний Коперник, разрушил
Пифагорово пенье светил
И в основе его обнаружил
Только лепет и музыку крыл.
1948

Полдень

Понемногу вступает в права
Ослепительно знойное лето.
Раскаленная солнцем трава
Испареньями влаги одета.
Пожелтевший от зноя лопух
Развернул розоватые латы
И стоит, задыхаясь от мух,
Под высокими окнами хаты.
Есть в расцвете природы моей
Кратковременный миг пресыщенья,
Час, когда перламутровый клей
Выделяют головки растенья.
Утомились орудья любви,
Страсть иссякла, но пламя былое
Дотлевают и бродит в крови,
Уж не тело, но ум беспокоя.
Но к полудню заснет и оно,
И в середине небесного свода
Лишь смертельного зноя пятно
Различит, замирая, природа.
1948

Лебедь в зоопарке

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка,
Высокая лебедь плывет.
Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез,
Колебля на лоне залива
Лиловые тени берез.
Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.
И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.
Скрежещут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Подняв перламутровый хвост.
И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры олени
На воду сквозь тонкий забор.
И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш.
Над маленьким парком теснится.
Этаж громоздя на этаж.
И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поет нам о счастье весны.
1948

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.
Государство смертей и рождений,

Нескончаемой цепи звено,-
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!
Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.
В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.
И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.
Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.
1948

Тбилисские ночи

Отчего, как восточное диво,
Черноока, печальна, бледна,
Ты сегодня всю ночь молчаливо
До рассвета сидишь у окна?
Распластались во мраке платаны,
Ночь брильянтовой чашей горит,
Дремлют горы, темны и туманны,
Кипарис, как живой, говорит.
Хочешь, завтра под звуки пандури,
Сквозь вина золотую струю
Я умчу тебя в громе и буре
В ледяную отчизну мою?
Вскрикнут кони, разломится время,
И по руслу реки до зари
Полетим мы, забытые всеми,
Разрывая лучей янтари.
Я закутаю смуглые плечи
В снежный ворох сибирских полей,
Будут сосны гореть, словно свечи,

Над мерцаньем твоих соболей.
Там, в огромном безмолвном просторе,
Где поет, торжествуя, пурга,
Позабудешь ты южное море,
Золотые его берега.
Ты наутро поднимешь ресницы:
Пред тобой, как лесные царьки,
Золотые песцы и куницы
Запоют, прибежав из тайги.
Поднимая мохнатые лапки,
Чтоб тебя не обидел мороз,
Принесут они в лапках охапки
Перламутровых северных роз.
Гордый лось с голубыми рогами
На своей величавой трубе,
Окруженный седыми снегами,
Песню свадьбы сыграет тебе.
И багровое солнце, пылая
Всей громадой холодных огней,
Как живой великан, дорогая,--
Улыбнется печали твоей.
Что случилось сегодня в Тбилиси?
Льется воздух, как льется вино.
Спят стрижи на оконном карнизе,
Кипарисы глядятся в окно.
Сквозь туманную дымку вуали
Пробиваются брызги огня.
Посмотри на меня, генацвале,
Оглянись, посмотри на меня!
1948

На рейде

Был поздний вечер. На террасах
Горы, сползающей на дно,
Дремал поселок, опоясав
Лазурной бухточки пятно.
Туманным кругом акварели
Лежала в облаке луна,
И звезды еле-еле тлели,
И еле двигалась волна.
Под равномерный шум прибоя

Качались в бухте корабли,
И вдруг, утробным воем воя,
Все море вспыхнуло вдали.
И в ослепительном сплетенье
Огней, пронзивших небосвод,
Гигантский лебедь, белый гений,
На рейде встал электроход.
Он встал над бездной вертикальной
В тройном созвучии октав,
Обрывки бури музыкальной
Из окон щедро раскидав.
Он весь дрожал от этой бури,
Он с морем был в одном ключе,
Но тяготел к архитектуре,
Подняв антенну на плече.
Он в море был явлением смысла,
Где электричество и звук,
Как равнозначщие числа,
Передо мной предстали вдруг.
1949

Гурзуф

В большом полукружии горных пород,
Где, темные ноги разув,
В лазурную чашу сияющих вод
Спускается сонный Гурзуф,
Где скалы, вступая в зеркальный затон,
Стоят по колено в воде,
Где море поет, подперев небосклон,
И зеркалом служит звезде,--
Лишь здесь я познал превосходство морей
Над нашею тесной землей,
Услышал медлительный ход кораблей
И отзвук равнины морской.
Есть таинство отзвуков. Может быть, нас
Затем и волнует оно,
Что каждое сердце предчувствует час,
Когда оно канет на дно.
О, что бы я только не отдал взамен
За то, чтобы даль донесла
И стон Персефоны, и пенье сирен,

И звон боевого весла!
1949

Светляки

Слова - как светляки с большими фонарями.
Пока рассеян ты и не всмотрелся в мрак,
Ничтожно и темно их девственное пламя
И неприметен их одушевленный прах.
Но ты взгляни на них весною в южном Сочи,
Где олеандры спят в торжественном цвету,
Где море светляков горит над бездной ночи
И волны в берег бьют, рыдая на лету.
Сливая целый мир в единственном дыханье,
Там из-под ног твоих земной уходит шар,
И уж не их огни твердят о мирозданье,
Но отдаленных гроз колеблется пожар.
Дыхание фанфар и бубнов незнакомых
Там медленно гудит и бродит в вышине.
Что жалкие слова? Подобье насекомых!
И все же эта тварь была послушна мне.
1949

Башня Греми*

Ух, башня проклятая! Сто ступеней!
Соратник огню и железу,
По выступам ста треугольных камней
Под самое небо я лезу.
Винтом извивается башенный ход,
Отверстие, пробитое в камне.
Сорвись-ка! Никто и костей не найдет.
Вгрызается в сердце тоска мне.
А следом за мною, в холодном поту,
Как я, распростершие руки,
Какие-то люди ползут в высоту,
Таща самопалы и луки.
О черные стены бряцает кинжал,

На шлемах сияние брезжит.
Доносится снизу, заполнив провал,
Кольчуг несмолкаемый скрежет.
А там, в подземелье соборных руин,
Где царская скрыта гробница,
Леван-полководец, Леван-властелин*
Из каменной ниши стучится:
"Вперед, кахетинцы, питомцы орлов!
Да здравствует родина наша!
Вовеки не сгинет отеческий кров
Под черной пятой кизилбаша!*" ^{*}
И мы на последнюю всходим ступень,
И солнце ударило в очи,
И в сердце ворвался стремительный день
Всей силой своих полномочий.
В парче винограда, в живом янтаре,
Где дуб переплелся с гранатом,
Кахетия пела, гордясь в октябре
Своим урожаем богатым.
Как пламя, в марани* струилось вино,
Веселье лилось из давилен,
И был кизилбаш, позабытый давно,
Пред этой страной бессилён.
И реял над нею свободный орлан,
Вздувающий перья на шлеме,
И так же, как некогда витязь Леван,
Стерег опустевшую Греми.
1950

* Греми -- древняя столица Кахетии, развалины которой сохранились до сих пор.

* Леван -- кахетинский царь, проводивший в XVI в. политику сближения с Московским государством.

* Кизилбаша -- персы.

* Марани -- погреб для вина.

Старая сказка

В этом мире, где наша особа

Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.
Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.
Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.
Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.
1952

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.
По пустынной и голой аллее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?
Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей,
Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?
Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?
Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму,-
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.
1952

Воспоминание

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь действительно прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола.
Хочет пить--не нравятся ей вина,
Хочет есть--кусочек не лезет в рот.
Слушает, как шепчется рябина,
Как щегол за окнами поет.
Он поет о той стране далекой,
Где едва заметен сквозь пургу
Бугорок могилы одинокой
В белом кристаллическом снегу.
Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет.
1952

Прощание с друзьями

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.
Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба - лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.
Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.
Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?
Теперь вам братья - корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.
Теперь вам сестры - цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.
Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.
1952

Сон

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм, и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостен труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Все то, что нужно, делал без усилья.

Мне не было причины не хотеть,
Как не было желания стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.
1953

Весна в Мисхоре

1. ИУДИНО ДЕРЕВО

Когда, страдая от простуды,
Ай-Петри высится в снегу,
Кривое деревце Иуды
Цветет на южном берегу.
Весна блуждает где-то рядом,
А из долин уже глядят
Цветы, напитанные ядом
Коварства, горя и утрат.

2. ПТИЧЬИ ПЕСНИ

Пусть в зеленую книгу природы
Не запишутся песни синиц, --
Величайшие наши рапсоды
Происходят из общества птиц.
Пусть не слушает их современник,
Путешествуя в этом краю, --
Им не нужно ни славы, ни денег
За бессмертную песню свою.

3. УЧАН-СУ

Внимая собственному вою,
С недостижимых высот
Висит над самой головою

Громада падающих вод.
И веет влажная прохлада
Вокруг нее, и каждый куст,
Обрызган пылью водопада,
Смеется тысячами уст.

4. У МОРЯ

Посмотри, как весною в Мисхоре,
Где серебряный пенится вал,
Непрерывно работает море,
Разрушая окраины скал.
Час настанет, и в сердце поэта,
Разрушая последние сны,
Вместо жизни останется эта
Роковая работа волны.
1953

Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза - как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза - как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.
1953

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.
Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.
В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.
Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.
И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.
1953

Поэт

Черен бор за этим старым домом,
Перед домом - поле да овсы.
В нежном небе серебристым комом
Облако невиданной красы.
По бокам туманно-лиловато,
Посредине грозно и светло,-
Медленно плывущее куда-то
Раненого лебеда крыло.
А внизу на стареньком балконе -
Юноша с седою головой,
Как портрет в старинном медальоне
Из цветов ромашки полевой.
Щурит он глаза свои косые,
Подмосковным солнышком согрет,-
Выкованный грозами России
Собеседник сердца и поэт.
А леса, как ночь, стоят за домом,
А овсы, как бешеные, прут...

То, что было раньше незнакомым,
Близким сердцу делается тут.
1953

Дождь

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,
Он был почти нематериален
И в формы жизни не одет.
Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел,
И вдруг, веселый и могучий,
Ударил в струны и запел.
И засияла вся дубрава
Молниеносным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.
Натянут тысячами нитей
Меж хмурым небом и землей,
Ворвался он в поток событий,
Повиснув книзу головой.
Он падал издали, с наклоном
В седые скопища дубрав.
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.
1953

Ночное гулянье

Расступились на площади зданья,
Листья клена целуют звезду.
Нынче ночью - большое гулянье,
И веселье, и праздник в саду.
Но когда пиротехник из рощи
Бросит в небо серебряный свет,
Фантастическим выстрелам ночи
Не вполне доверяйся, поэт.

Улетит и погаснет ракета,
Потускнеют огней вороха...
Вечно светит лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха.
1953

Неудачник

По дороге, пустынной обочиной,
Где лежат золотые пески,
Что ты бродишь такой озабоченный,
Умирая весь день от тоски?
Вон и старость, как ведьма глазастая,
Притаилась за ветхой ветлой.
Целый день по кустарникам шастая,
Наблюдает она за тобой.
Ты бы вспомнил, как в ночи походные
Жизнь твоя, загораясь в борьбе,
Руки девичьи, крылья холодные,
Положила на плечи тебе.
Милый взор, истомленно-внимательный,
Залил светом всю душу твою,
Но подумал ты трезво и тщательно
И вернулся в свою колею.
Крепко помнил ты старое правило -
Осторожно по жизни идти.
Осторожная мудрость направила
Жизнь твою по глухому пути.
Пролетела она в одиночестве
Где-то здесь, на задворках села,
Не спросила об имени-отчестве,
В золотые дворцы не ввела.
Поистратил ты разум недюжинный
Для каких-то бессмысленных дел.
Образ той, что сияла жемчужиной,
Потускнел, побледнел, отлетел.
Вот теперь и ходи и рассчитывай,
Сумасшедшие мысли тая,
Да смотри, как под тенью раковой
Усмехается старость твоя.
Не дорогой ты шел, а обочиной,
Не нашел ты пути своего,

Осторожный, всю жизнь озабоченный,
Неизвестно, во имя чего!
1953

Возвращение с работы

Вокруг села бродили грозы,
И часто, полные тоски,
Удары молнии сквозь слезы
Ломали небо на куски.
Хлестало, словно из баклаги,
И над собранием берез
Пир электричества и влаги
Сливался в яростный хаос.
А мы шагали по дороге
Среди кустарников и трав,
Как древнегреческие боги,
Трезубцы в облако подняв.
1954

Шакалы

Среди черноморских предгорий,
На первой холмистой гряде,
Высокий стоит санаторий,
Купая ступени в воде.
Давно уже черным сапфиром
Склонился над ним небосклон,
Давно уж над дремлющим миром
Молчит ожерелье колонн.
Давно, утомившись от зноя,
Умолкли концерты цикад,
И люди в тиши и покое
Давно в санатории спят.
Лишь там, наверху, по оврагам,
Средь зарослей горной реки,
Полночным окутаны мраком,
Не гаснут всю ночь огоньки.

На всем полукружье залива,
То там появляясь, то тут,
И хищно они и трусливо
Мерцают, мигают, снуют.
Сперва боязливо и тонко,
Потом все слышней и слышней
С холмов верещанье ребенка
Доносится к миру людей.
И вот уже плачем и визгом
Наполнен небесный зенит.
Луна перламутровым диском
Испуганно в чащу глядит.
И видит: теснясь друг за другом
И мордочки к небу задрав,
Шакалы сидят полукругом
За темными листьями трав.
О чем они воют и плачут?
Кого проклиная, вопят?
Под ними у моря маячит
Колонн ослепительный ряд.
Там мир золотого сиянья,
Там жизнь, непонятная им...
Не эти ли светлые зданья
Клянут они воплем своим?
Но меркнет луна Черноморья,
И солнце встает в синеву,
И враз умолкают предгорья,
Туманом укутав траву.
И звери по краю потока
Трусливо бегут в тростники,
Где в каменных норах глубоко
Беснуются их двойники.
1954

В кино

Утомленная после работы,
Лишь за окнами стало темно,
С выраженьем тяжелой заботы
Ты пришла почему-то в кино.
Рыжий малый в коричневом фраке,
Как всегда, выбиваясь из сил,

Плел с эстрады какие-то враки
И бездарно и нудно острил.
И смотрела когда на него ты
И вникала в остроты его,
Выраженье тяжелой заботы
Не сходило с лица твоего.
В низком зале, наполненном густо,
Ты смотрела, как все, на экран,
Где напрасно пыталось искусство
К правде жизни припутать обман.
Озабоченных черт не меняли
Судьбы призрачных, плоских людей,
И тебе удавалось едва ли
Сопоставить их с жизнью своей.
Одинока, слегка седовата,
Но еще моложава на вид,
Кто же ты? И какая утрата
До сих пор твое сердце томит?
Где твой друг, твой единственно милый,
Соучастник далекой весны,
Кто наполнил живительной силой
Бесприютное сердце жены?
Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль, оторван от дома судьбою,
Пропадает в далеком краю?
Где б он ни был, но в это мгновенье
Здесь, в кино, я уверился вновь:
Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.
1954

Бегство в Египет

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.
Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.
Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.
Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.
Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.
И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.
Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой -
Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах,-
Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.
1955

Осенние пейзажи

1. Под дождем

Мой зонтик рвется, точно птица,
И вырывается, треща.
Шумит над миром и дымится
Сырая хижина дождя.

И я стою в переплетенье
Прохладных вытянутых тел,
Как будто дождик на мгновенье
Со мною слиться захотел.

2. Осеннее утро

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.
Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,
Ворохами листвы шевеля.

3. Последние канны

Все то, что сияло и пело,
В осенние скрылось леса,
И медленно дышат на тело
Последним теплом небеса.
Ползут по деревьям туманы,
Фонтаны умолкли в саду.
Одни неподвижные канны
Пылают у всех на виду.
Так, вытянув крылья, орлица
Стоит на уступе скалы,
И в клюве ее шевелится
Огонь, выступая из мглы.
1955

Некрасивая девочка

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,

Она ж за ними бегают по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,-
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движении.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
1955

При первом наступлении зимы,
Блуждая над просторною Невою,
Сиянье лета сравниваем мы
С разбросанной по берегу листвою.
Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги.
Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополю, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод.
1955

Осенний клен

(Из С. Галкина)

Осенний мир осмысленно устроен
И населен.
Войди в него и будь душой спокоен,
Как этот клен.
И если пыль на миг тебя покроет,
Не помертвей.
Пусть на заре листья твои умоет
Роса полей.
Когда ж гроза над миром разразится
И ураган,
Они заставят до земли склониться
Твой тонкий стан.
Но даже впад в смертельную истому
От этих мук,
Подобно древу осени простому,
Смолчи, мой друг.
Не забывай, что выпрямится снова,
Не искривлен,
Но умудрен от разума земного,
Осенний клен.
1955

Старая актриса

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир
И владычица наша воскресла.
В затрапезе похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело.
А ведь, Боже, какая актриса была
И какими умами владела!
Что-то было нездешнее в каждой черте
Этой женщины, юной и стройной,
И лежал на тревожной ее красоте
Отпечаток Италии знойной.

Ныне домик ее превратился в музей,
Где жива ее прежняя слава,
Где старуха подчас удивляет друзей
Своевольем капризного нрава.
Орденов ей и званий немало дано,
И она пребывает в надежде,
Что красе ее вечно сиять суждено
В этом доме, как некогда прежде.
Здесь картины, портреты, альбомы, венки,
Здесь дыхание южных растений,
И они ее образ, годам вопреки,
Сохранят для иных поколений.
И не важно, не важно, что в дальнем углу,
В полутемном и низком подвале,
Бесприютная девочка спит на полу,
На тряпичном своем одеяле!
Здесь у тетки-актрисы из милости ей
Предоставлена нынче квартира.
Здесь она выбивает ковры у дверей,
Пыль и плесень стирает с ампера.
И когда ее старая тетка бранит,
И считает и прячет монеты,-
О, с каким удивленьем ребенок глядит
На прекрасные эти портреты!
Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства!
1956

О красоте человеческих лиц

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица - подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрываются решетками, словно темница.
Другие - как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,

Зато из окошка ее на меня
Струилось дыхание весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица - подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.
1955

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах -
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их,
Жизнь над ними в образах природы
Чередую двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

Поэма весны

Ты и скрипку с собой принесла,
И заставила петь на свирели,
И, схватив за плечо, повела
Сквозь поля, голубые в апреле.
Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,
Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.
Ошалев от твоей красоты,
Скряга вытащил пук ассигнаций,
И они превратились в листья
Засиявших на солнце акаций.
Бюрократы, чинуши, попы,
Столяры, маляры, стеклодувы,
Как птенцы из своей скорлупы,
Отворили на радостях клювы.
Даже те, кто по креслам сидят,
Погрузившись в чины и медали,
Улыбнулись и, как говорят,
На мгновенье счастливыми стали.
Это ты, сумасбродка весна!
Узнаю твои козни, плутовка!
Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты.
Развалившись по книгам, апрель
Нацепил васильков аксельбанты.
Он-то знает, что поле да лес -
Для меня ежедневная тема,
А весна, сумасбродка небес,-
И подружка моя, и поэма.
1956

Последняя любовь

1. Чертополох

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой -- сказочная птица
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.
1956

2. Морская прогулка

На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом

Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли миллионами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом
И подобные крабам мужчины
Оцепили наш глассер кругом.
Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело П
робивало над нами насквозь.
Но водитель нажал на педали,
И опять мы, как будто во сне,
Полетели из мира печали
На высокой и легкой волне.
Солнце в самом зените пылало,
Пена скал заливала корму,
И Таврида из моря вставала,
Приближаясь к лицу твоему.
1956

3. Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!
Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.
Я склонюсь над твоими коленями,

Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.
Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.
Что прибавится -- не убавится,
Что не сбудется -- позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?
1957

4. Последняя любовь

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней.
Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращенных друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные легкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу

В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, -
То, что, к счастью, не знали они.
1957

5. Голос в телефоне

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.
А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.
Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.
1957

6.

Клялась ты -- до гроба
Быть милой моей.
Опомнившись, оба
Мы стали умней.
Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.
Колелблется лебедь
На пламени вод.
Однако к земле ведь

И он уплывет.
И вновь одиноко
Заблещет вода,
И глянет ей в око
Ночная звезда.
1957

7.
Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твое отраженье
На душе у меня.
1957

8. Можжевеловый куст

Я увидел во сне можжевеловый куст.
Я услышал вдали металлический хруст.
Аметистовых ягод услышал я звон.
И во сне, в тишине, мне понравился он.
Я почувствовал сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.
Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!
В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим.
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!
1957

9. Встреча

И лицо с внимательными глазами, с
трудом, с усилием, как открываете
заржавевшая дверь, -- улыбнулось...
Л. Толстой. Война и мир

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием, -- забыв о том, что было
Она, моя нежданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет -- не свет, но целый сноп
Живых лучей, -- не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях, -- впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было еще,
Да и не нужно было их -- вопросов.
1957

10. Старость

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, --
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.
Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.
В неясной мгле существованья
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.
И знанья малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше -- лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.
Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!
Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, --
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!
Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она,
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.
Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.
1956

Противостояние Марса

Подобно огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку - сон зловещий:
Война с ружьем наперевес

В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром, и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не потеряли
Души единственной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта милая планета -
Земля воскресшая моя.
1956

Гурзуф ночью

Для северных песен ненадобен юг:
Родились они среди туманов и вьюг,
Качанию лиственниц вторя.
Они - чужестранцы на этой земле,

На этой покрытой цветами скале,
В сиянии южного моря.
В Гурзуфе всю ночь голоса петухи.
Здесь улица - род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стрижет Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таща ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк
Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.
Наплававшись по морю, стая парней
Здесь бродит с заезжей сиреной.
Питомцы Нептуна блаженствуют с ней,
Гитарой брэнча несравненной.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздывают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.
А ночь, как царица на троне из туч,
Колелет прожектора медленный луч,
И море шумит до рассвета,
И, слушая, как голоса петухи,
Внизу у калитки толпятся стихи -
Свидетели южного лета.
Толпятся без страха и тычут свой нос
В кувшинчики еле открывшихся роз,
И пьют их дыханье, и странно,
Что, спавшие где-то на севере, вдруг
Они залетели на пламенный юг -
Холодные дети тумана.
1956

Над морем

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня - и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.
Здесь море - дирижер, а резонатор - дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.

Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо среди камней танцует и поет.
Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.
Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.
1956

Детство

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.
1957

Лесная сторожка

Скрипело, свистало и выло в лесу,
И гром ударял в отдаленье, как молот,
И тучи рвались в небесах, но внизу
Царили затишье, и сумрак, и холод,
В гигантском колодце сосновых стволов,
В своей одинокой убогой сторожке
Лесник пообедал и хлебные крошки
Смахнул на ладонь, молчалив и суров.
Над миром великая буря ходила,
Но здесь, в тишине, у древесных корней,
Старик, отдыхая, не думал о ней,
И только собака ворчала уныло
На каждую вспышку далеких зарниц,
И в гнездах смолкало селение птиц.
Однажды в грозу, навалившись на двери,
Тут зверь появился, высок и космат,
И так же, как многие прочие звери,
Узнав человека, отпрянул назад.
И сторож берданку схватил, и с окошка
Пружиной метнулась под лестницу кошка,
И разом короткий ружейный удар
Потряс основанье соснового бора.
Вернувшись, лесник успокоился скоро:
Он, видимо, был уж достаточно стар,
Он знал, что покой--только призрак покоя,
Он знал, что, когда полыхает гроза,
Все тяжело-животное, злобно-живое
Встает и глядит человеку в глаза.
1957

Болеро

Итак, Равель, танцуем болеро!
Для тех, кто музыку на сменит на перо,
Есть в этом мире праздник изначальный -
Напев волынки скудный и печальный
И эта пляска медленных крестьян...
Испания! Я вновь тобою пьян!
Цветок мечты возвышенной взлелеяв,
Опять твой образ предо мной горит
За отдаленной гранью Пиренеев!
Увы, замолк истерзанный Мадрид,

Весь в отголосках пролетевшей бруи,
И нету с ним Долорес Ибаррури!
Но жив народ, и песнь его жива.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!
1957

Птичий двор

Скачет, свищет и бормочет
Многоликий птичий двор.
То могучий грянет кочет,
То индеек взвизгнет хор.
В бесшабашном этом гаме,
В писке маленьких цыплят
Гуси толстыми ногами
Землю важно шевелят.
И шатаясь с боку на бок,
Через двор наискосок,
Перепонки красных лапок
Ставят утки на песок.
Будь бы я такая птица,--
Весь пылая, весь дрожа,
Поспешил бы в небо взвиться,
Ускользнув из-под ножа!
А они, не веря в чудо,
Вечной заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.
Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит.
Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.
1957

Одиссей и сирены

Однажды аттическим утром
С отважной дружиною всей
Спешил на кораблике утлом
В отчизну свою Одиссей.
Шумело Эгейское море,
Коварный туманился вал.
Скиталец в пернатом уборе
Лежал на корме и дремал.
И вдруг через дымку мечтанья
Возник перед ним островок,
Где три шаловливых созданья
Плескались и пели у ног.
Среди гармоничного гула
Они отражались в воде.
И тень вождельенья мелькнула
У грека, в его бороде.
Ведь слабость сродни человеку,
Любовь -- вековечный недуг,
А этому древнему греку
Все было к жене недосуг.
И первая пела сирена:
"Ко мне, господин Одиссей!
Я вас исцелю несомненно
Усердной любовью моей!"
Вторая богатство сулила:
"Ко мне, корабельщик, ко мне!
В подводных дворцах из берилла
Мы счастливы будем вполне!"
А третья сулила забвенья
И кубок вздымала вина:
"Испей -- и найдешь исцеленье
В объятьях волшебного сна!"
Но хмурится житель Итаки,
Красоток не слушает он,
Не верит он в сладкие враки,
В мечтанья свои погружен.
И смотрит он на берег в оба,
Где в нише из каменных плит
Супруга его Пенелопа,

Рыдая, за прялкой сидит.
1957

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шел по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.
И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И творя поминанье,
В морщинистой темной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.
И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.
Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
89И понятый также не всеми,--
Как бы снова живет
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.
И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И бросая перо, в кабинете
Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

Казбек

С хевсурами после работы
Лежал я и слышал сквозь сон,
Как кто-то, шальной от дремоты,
Окно распахнул на балкон.
Проснулся и я. Наступала
Заря, и, закованный в снег,
Двуглавым обломком кристалла
В окне загорался Казбек.
Я вышел на воздух железный.
Вдали, у подножья высот,
Курились туманные бездны
Провалами каменных сот.
Из горных курильниц взлетая
И тая над миром камней,
Летела по воздуху стая
Мгновенных и легких теней.
Земля начинала молебн
Тому, кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.
И бедное это селенье,
Скопленье домов и закут,
Казалось мне в это мгновенье
Разумно устроенным тут.
У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.
А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.
Недаром, спросонок понуры,
Внизу, из села своего,
Лишь мельком смотрели хевсуры
На мертвые грани его.

1957

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.
Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.
Но когда буддийские монахи
Со стены завоют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.
Если эти рассказы -- не бредни,
Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.
Ум его, как видно, не обширен,
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.
В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним
Громоздятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.
Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.
Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме,
Барабаны бешеные бьют,
И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.
Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча.

1957

Одинокий дуб

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепия
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.
Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь --
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.
Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.
1957

Когда бы я недвижимым трупом
Лежал, устав от бытия, -
Людским страстям, простым и грубым,
Уж неподвластен был бы я.

Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд,
Который девушки долины
Порой у источнику несут.

К людским прислушиваясь тайнам
И к перекличке вешних птиц,
Меж ними был бы я случайным
Соединением частиц.

Но и тогда,
Во тьме кромешной,
С самим собой наедине,
Я пел бы песню жизни грешной
И призывал ее во сне.
1957

Во многом знании - немалая печаль,

Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я - только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!
1957

Стирка белья

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.
Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Бьются по ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч.
Отдыхая от потного тела
Домотканой основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.
Я сегодня в сообществе прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не дают лежачих

И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!
1957

Летний вечер

Вечерний день томителен и ласков.
Стада коров, качающих бока,
В сопровожденье маленьких подпасков
По берегам идут издалека.
Река, переливаясь под обрывом,
Все так же привлекательна на вид,
И небо в сочетании счастливым,
Обняв ее, ликует и горит.
Из облаков изваянные розы
Свиваются, волнуются и вдруг,
Меняя очертания и позы,
Уносятся на запад и на юг.
И влага, зацелованная ими,
Как девушка в вечернем полусне,
Едва колеблет волнами своими,
Еще не упоенными вполне.
Она еще как будто негодует
И слабо отстраняется, но ей
Уже сквозь сон предчувствие рисует
Восторг и пламя августовских дней.
1957

Гомборский лес

В Гомборском лесу на границе Кахети

Раскинулась осень. Какой бутафор
Устроил такие поминки о лете
И киноварь с охрой на листья растер?
Меж кленом и буком ютился шиповник,
Был клен в озаренье и в зареве бук,
И каждый из них оказался виновник
Моих откровений, восторгов и мук.
В кизиловой чаще кровавые жилы
Топорщил кустарник. За чащей вдали
Рядами стояли дубы-старожилы
И тоже к себе, как умели, влекли.
Здесь осень сумела такие пассажи
Наляпать из охры, огня и белил,
Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже,
А клен, как Мурильо, на крыльях парил.
Я лег на поляне, украшенной дубом,
Я весь растворился в пыланье огня.
Подобно бесчисленным арфам и трубам,
Кусты расступились и скрыли меня.
Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.
С тех пор мне собратями сделались горы,
И нет мне покоя, когда на трубе
Поют в сентябре золотые Гомборы,
И гонят в просторы, и манят к себе.
1957

Сентябрь

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.
Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.
Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и, значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина

Засияла в конце сентября.
Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.
Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.
1957

Вечер на Оке

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздыхнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

1957

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Старый ли дуб зашептался с сосной,
Или вдали заскрипела рябина,
Или запела щегла окарина,
Или малиновка, маленький друг,
Мне на закате ответила вдруг?
Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Ты ли, которая снова весной
Вспомнила наши прошедшие годы,
Наши заботы и наши невзгоды,
Наши скитанья в далеком краю,--
Ты, опалившая душу мою?
Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Утром и вечером, в холод и зной,
Вечно мне слышится отзвук невнятный,
Словно дыханье любви необъятной,
Ради которой мой трепетный стих
Рвался к тебе из ладоней моих...
1957

Гроза идет

Двигается нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Двигается, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.
Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!
Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!
Вот он - кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.
Сквозь живое сердце древесины

Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.
Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.
Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!
1957

Зеленый луч

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.
Он сложился из скопленья
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.
Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавному чертогу
Отыщу дорогу я.
Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.
Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ -
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.
Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зеленый,
Отдаленный от земли.
Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город

И зеленый схватит луч!
1958

У гробницы Данте

Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоиться в Равенне.
Не говори, прохожий, о измене,
Пусть даже смерть клеймит ее дела.
Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.
Разбитой лютни не берут в поход,
Она мертва среди родного стана.
Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
Целуешь мой осиротевший рот?
А голубь рвется с крыши и летит,
Как будто опасается кого-то,
И злая тень чужого самолета
Свои круги над городом чертит.
Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.
1958

Городок

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет -
Заскулит в сторонке.

А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать -
Девочке Марусе.

Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Иисусе!

"Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!

Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не галдели!"

Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Иисусе!
1958

Ласточка

Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижет,
Всем ветрам она перечит,
Но и силы бережет.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.
Удивлен ее повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдаленный край летит.
Реет, плачет, словно птица,

В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.
Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилек.
Горько ласточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.
1958

Петухи поют

На сараях, на банях, на гумнах
Свежий ветер вздувает верхи.
Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей - петухи.
Нет, не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов!
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов.
Здесь, в деревне, и вы удивитесь,
Услыхав, как в полуночный час
Трубным голосом огненный витязь
Из курятника чествует вас.
Сообщает он кучу известий,
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них.
Ярко светит над миром усталым
Семизвездье Большого Ковша,
На земле ему фокусом малым
Петушиная служит душа.
Изменяется угол паденья,
Напрягаются зренье и слух,
И, взметнув до небес оперенье,
Как ужаленный, кличет петух.
И приходят мне в голову сказки
Мудрецами отмеченных дней,
И блуждаю я в них по указке

Удивительной птицы моей.
Пел петух каравеллам Колумба,
Магеллану среди моря кричал,
Не сбиваясь с железного румба,
Корабли приводил на причал.
Пел Петру из коломенских далей,
Собирал конармейцев в поход,
Пел в годину великих печалей,
Пел в эпоху железных работ.
И теперь, на границе историй,
Поднимая свой гребень к луне,
Он, как некогда витязь Егорий,
Кличет песню надзвездную мне!
1958

Подмосковные рощи

Жучок ли точит древесину
Или скоблит листочек тля,
Сухих листов своих корзину
Несет мне осенью земля.
В висячем золоте дубравы
И в серебре березняки
Стоят, как знамения славы,
На берегах Москвы-реки.
О, эти рощи Подмосковья!
С каких давно минувших дней
Стоят они у изголовья
Далекой юности моей!
Давно все стрелы отсвистели
И отгремели все щиты,
Давно отплакали метели
Лихое время нищеты,
Давно умолк Иван Великий,
И только рощи в поздний час
Все с той же грустью полудикой
Глядят с окрестностей на нас.
Леса с обломками усадеб,
Места с остатками церквей
Все так же ждут вороньих свадеб

И воркованья голубей.
Они, как комнаты, просторны,
И ранней осенью с утра
Поют в них маленькие горны,
И вторит горнам детвора.
А мне-то, господи помилуй,
Все кажется, что вдалеке
Трубит коломенец служилый
С пищалью дедовской в руке.
1958

На закате

Когда, измученный работой,
Огон души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.
На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.
Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.
Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.
Два мира есть у человека:
Один, который он творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.
Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.
Так, вероятно, мысль нагая,

Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.
1958

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!
Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.
А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
1958

РУБРУК В МОНГОЛИИ

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Мне вспоминается доныне,
Как с небольшой командой слуг.
Блуждая в северной пустыне,
Въезжал в Монголию Рубрук.

"Вернись, Рубрук!" -- кричали птицы
"Очнись, Рубрук! -- скрипела ель. --
Слепил мороз твои ресницы,
Сковала бороду метель.

Тебе ль, монах, идти к монголам
По гребням голым, по степям,
По разоренным этим селам,
По непроложенным путям?

И что тебе, по сути дела,
До измышлений короля?
Ужели вправду надоела
Тебе французская земля?

Небось в покоях Людовика
Теперь и пышно и тепло,
А тут лишь ветер воет дико
С татарской саблей наголо.

Тут ни тропинки, ни дороги,
Ни городов, ни деревень,
Одни лишь Гоги да Магоги
В овчинных шапках набекрень!"

А он сквозь Русь спешил упрямо,
Через пожарища и тьму,
И перед ним вставала драма
Народа, чуждого ему.

В те дни, по милости Батыев,
Ладони выев до костей,
Еще дымился древний Киев
У ног непрошенных гостей.

Не стало больше песен дивных,
Лежал в гробнице Ярослав,
И замолчали девы в гривнах,

Последний танец отплясав.

И только волки да лисицы
На диком празднестве своем
Весь день бродили по столице
И тяжелели с каждым днем.

А он, минуя все берлоги,
Уже скакал через Итиль
Туда, где Гоги и Магоги
Стада упрятали в ковыль.

Туда, к потомкам Чингисхана,
Под сень неведомых шатров,
В чертог восточного тумана,
В селенье северных ветров!

ДОРОГА ЧИНГИСХАНА

Он гнал коня от яма к яму,
И жизнь от яма к яму шла
И раскрывала панораму
Земель, обугленных дотла.

В глуши восточных территорий,
Где ветер бил в лицо и грудь,
Как первобытный крематорий,
Еще пылал Чингисов путь.

Еще дымились цитадели
Из бревен рубленных капелл,
Еще раскачивали ели
Останки вывешенных тел.

Еще на выжженных полянах,
Вблизи низинных родников
Виднелись груды трупов странных
Из-под сугробов и снегов.

Рубрук слезал с коня и часто
Рассматривал издалека,
Как, скрючив пальцы, из-под наста

Торчала мертвая рука.

С утра не пивши и не евши,
Прислушивался, как вверху
Визгливо вскрикивали векши
В своем серебряном меху.

Как птиц тяжелых эскадрильи,
Справляя смертную кадрили,
Кругами в воздухе кружили
И простирались на сто миль.

Но, невзирая на молебен
В крови купающихся птиц,
Как был досель великолепен
Тот край, не знающий границ!

Европа сжалась до предела
И превратилась в островок,
Лежащий где-то возле тела
Лесов, пожарищ и берлог.

Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
Жерло, простершееся в ад!

Так вот он, дом чужих народов
Без прозвищ, кличек и имен,
Стрелков, бродяг и скотоводов,
Владык без тронов и корон!

Попарно связанные лыком,
Под караулом, там и тут
До сей поры в смятенье диком
Они в Монголию бредут.

Широкоскулы, низки ростом,
Они бредут из этих стран,
И кровь течет по их коростам,
И слезы падают в туман.

ДВИЖУЩИЕСЯ ПОВОЗКИ МОНГОЛОВ

Навстречу гостю, в зной и в холод,
Громадой движущихся тел
Многоколесный ехал город
И всеми втулками скрипел.

Когда бы дьяволы играли
На скрипках лиственниц и лип,
Они подобной вакханальи
Сыграть, наверно, не смогли б.

В жужжанье втулок и повозок
Врывалось ржанье лошадей,
И это тоже был набросок
Шестой симфонии чертей.

Орда -- неважный композитор,
Но из ордынских партитур
Монгольский выбрал экспедитор
C-dur на скрипках бычьих шкур.

Смычком ему был бич отличный,
Виолончелью бычий бок,
И сам он в позе эксцентричной
Сидел в повозке, словно бог.

Но богом был он в высшем смысле,
В том смысле, видимо, в каком
Скрипач свои выводит мысли
Смычком, попав на ипподром.

С утра натрескавшись кумыса,
Он ясно видел все вокруг --
То из-под ног мотнется крыса,
То юркнет в норку бурундук,

То стрепет, острою стрелюю,
На землю падает, подбит,
И дико движет головою,
Дополнив общий колорит.

Сегодня возчик, завтра воин,
А послезавтра божий дух,
Монгол и вправду был достоин

И жить, и пить, и есть за двух.

Сражаться, драться и жениться
На двух, на трех, на четырех --
Всю жизнь и воин и возница,
А не лентяй и пустобрех.

Ему нельзя ни выть, ни охать
Коль он в гостях у росомах,
Забудет прихоть он и похоть,
Коль он охотник и галах.

В родной стране, где по излукам
Текут Онон и Керулен,
Он бродит с палицей и луком,
В цветах и травах до колен.

Но лишь ударит голос меди --
Пригнувшись к гриве скакуна,
Летит он к счастью и победе
И чашу битвы пьет до дна.

Глядишь -- и Русь пощады просит,
Глядишь -- и Венгрия горит,
Китай шелка ему подносит,
Париж баллады говорит.

И даже вымершие гунны
Из погребенья своего,
Как закатившиеся луны,
С испугом смотрят на него!

МОНГОЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Здесь у повозок выли волки,
И у бесчисленных станиц
Пасли скуластые монголки
Своих могучих кобылиц.

На этих бешеных кобылах,
В штанах из выделанных кож,
Судьбу гостей своих унылых

Они не ставили ни в грош.

Они из пыли, словно пули,
Летели в стойбище свое
И, став ли боком, на скаку ли,
Метали дротик и копье.

Был этих дам суров обычай,
Они не чтили женский хлам
И свой кафтан из кожи бычьей
С грехом носили пополам.

Всю жизнь свою тяжелодумки,
Как в этом принято краю,
Они в простой таскали сумке
Поклажу дамскую свою.

Но среди бесформенных иголок
Здесь можно было отыскать
Искусства древнего осколок
Такой, что моднице под стать.

Литые серьги из Дамаска,
Запястья хеттских мастеров,
И то, чем красилась кавказка,
И то, чем славился Ростов.

Все то, что было взято с бою,
Что было снято с мертвеца,
Свыкалось с модницей такою
И ей служило до конца.

С глубоко спрятанной ухмылкой
Глядел на всадницу Рубрук,
Но вникнуть в суть красоты пылкой
Монаху было недосуг.

Лишь иногда, в потемках лежа,
Не ставил он себе во грех
Вообразать, на что похожа
Она в постели без помех.

Но как ни шло воображенье,
Была работа свыше сил,
И, вспомнив про свое служенье,

Монах усилья прекратил.

ЧЕМ ЖИЛ КАРАКОРУМ

В те дни состав народов мира
Был перепутан и измят,
И был ему за командира
Незримый миру азиат.

От Танаида до Итили
Коман, хозар и печенег
Таких могил нагородили,
Каких не видел человек.

В лесах за Русью горемычной
Ютились мокша и мордва,
Пытаясь в битве необычной
Свои отстаивать права.

На юге -- персы и аланы,
К востоку -- прадеды бурят,
Те, что, ударив в барабаны,
"Ом, мани падме кум!" -- твердят.

Уйгуры, венгры и башкиры,
Страна китаев, где врачи
Из трав готовят эликсиры
И звезды меряют в ночи.

Из тундры северные гости,
Те, что проносятся стремглав,
Отполированные кости
К своим подошвам привязав.

Весь этот мир живых созданий.
Людей, племен и целых стран
Платил и подати и дани,
Как предназначил Чингисхан.

Живи и здравствуй, Каракорум,
Оплот и первенец земли,

Чертог Монголии, в котором
Нашли могилу короли!

Где перед каменной палатой
Был вылит дуб из серебра
И наверху трубач крылатый
Трубил, работая с утра!

Где хан, воссев на пьедестале,
Смотрел, как буйно и легко
Четыре тигра изрыгали
В бассейн кобылье молоко!

Наполнив грузную утробу
И сбросив тяжесть портупей,
Смотрел здесь волком на Европу
Генералиссимус степей.

Его бесчисленные орды
Сновали, выдвинув полки,
И были к западу простерты,
Как пятерня его руки.

Весь мир дышал его гортанью,
И власти подлинный секрет
Он получил по предсказанью
На восемнадцать долгих лет.

КАК БЫЛО ТРУДНО

РАЗГОВАРИВАТЬ С МОНГОЛАМИ

Еще не клеились беседы,
И с переводчиком пока
Сопровождала их обеды
Игра на гранях языка.

Трепать язык умеет всякий,
Но надо так трепать язык,

Чтоб щи не путать с кулебякой
И с запятыми закавык.

Однако этот переводчик,
Определившись толмачом,
По сути дела был наводчик
С железной фомкой и ключом.

Своей коллекцией отмычек
Он колдовал и вкривь и вкось
И в силу действия привычек
Плел то, что под руку пришлось.

Прищурив умные гляделки,
Сидели воины в тени,
И, явно не в своей тарелке,
Рубрика слушали они.

Не то чтоб сложной их природы
Не понимал совсем монах, --
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.

Порой хитер, порой наивен.
С мотивом спорил здесь мотив,
И был отнюдь не примитивен
Монгольских воинов актив.

Здесь был особой жизни опыт,
Особый дух, особый тон.
Здесь речь была как конский топот,
Как стук мечей, как копий звон.

В ней водопады клокотали,
Подобно реву Ангары,
И часто мелкие детали
Приобретали роль горы.

Куда уж было тут латынцу,
Будь он и тонкий дипломат,
Псалмы втолковывать ордынцу
И бить в кимвалы наугад!

Как прототип башибузука,
Любой монгольский мальчуган

Всю казуистику Рубрука,
Смеясь, засовывал в карман.

Он до последний капли мозга
Был практик, он просил еды,
Хотя, по сути дела, розга
Ему б не сделала беды.

РУБРУК НАБЛЮДАЕТ

НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА

С началом зимнего сезона
В гигантский вытянувшись рост,
Предстал Рубруку с небосклона
Амфитеатр восточных звезд.

В садах Прованса и Луары
Едва ли видели когда,
Какие звездные отары
Вращает в небе Кол-звезда.

Она горит на всю округу,
Как скотоводом вбитый кол,
И водит медленно по кругу
Созвездий пестрый ореол.

Идут небесные Бараны,
Шагают Кони и Быки,
Пылают звездные Колчаны,
Блестят астральные Клинки.

Там тот же бой и стужа та же,
Там тот же общий интерес.
Земля -- лишь клочок небес и даже,
Быть может, лучший клочок небес.

И вот уж чудится Рубруку;
Свисают с неба сотни рук,

Грозят, светясь на всю округу:
"Смотри, Рубрук! Смотри, Рубрук!"

Ведь если бог монголу нужен,
То лишь постольку, милый мой,
Поскольку он готовит ужин
Или быков ведет домой.

Твой бог пригоден здесь постильку,
Поскольку может он помочь
Схватить венгерку или польку
И в глушь Сибири уволочь.

Поскольку он податель мяса,
Поскольку он творец еды!
Другого бога-свистопляса
Сюда не пустят без нужды.

И пусть хоть лопнет папа в Риме,
Пускай напишет сотни булл, --
Над декретальями твоими
Лишь посмеется Вельзевул.

Он тут не смыслит ни бельмеса
В предначертаниях небес,
И католическая месса
В его не входит интерес".

Идут небесные Бараны,
Плывут астральные Ковши,
Пылают реки, горы, страны,
Дворцы, кибитки, шалаши.

Ревет медведь в своей берлоге,
Кричит стервятница-лиса,
Приходят боги, гибнут боги,
Но вечно светят небеса!

КАК РУБРУК ПРОСТИЛСЯ С МОНГОЛИЕЙ

Срывалось дело минорита,
И вскоре выяснил Рубрук,

Что мало толку от визита.
Коль дело валится из рук.

Как ни пытался божью манну
Он перед ханом рассыпать,
К предусмотрительному хану
Не шла Господня благодать.

Рубрук был толст и крупен ростом,
Но по природе не бахвал,
И хан его простым прохвостом,
Как видно, тоже не считал.

Но на святые экивоки
Он отвечал: "Послушай, франк!
И мы ведь тоже на Востоке
Возводим Бога в высший ранг.

Однако путь у нас различен.
Ведь вы, Писанье получив,
Не обошлись без зуботычин
И не сплотились в коллектив.

Вы рады бить друг друга в морды,
Кресты имея на груди.
А ты взгляни на наши орды,
На наших братьев погляди?

У нас, монголов, дисциплина,
Убил -- и сам иди под меч.
Выходит, ваша писанина
Не та, чтоб выгоду извлечь!"

Тут дали страннику кумысу
И, по законам этих мест,
Безотлагательную визу
Сфабриковали на отъезд.

А между тем вокруг становья,
Вблизи походного дворца
Трубили хану славословья
Несториане без конца.

Живали муллы тут и ламы,
Шаманы множества племен.

И снисходительные дамы
К ним приходили на поклон.

Тут даже диспуты бывали,
И хан, присутствуя на них,
Любил смотреть, как те каналы
Кумыс хлестали за двоих.

Монаха здесь, по крайней мере,
Могли позвать на арбитраж,
Но музыкант ему у двери
Уже играл прощальный марш.

Он в ящик бил четырехструнный,
Он пел и вглядывался в даль,
Где серп прорезывался лунный,
Литой, как выгнутая сталь.